

Всем безвинно репрессированным
посвящается.

*Страницы нашей истории,
какими бы они ни были, необходимо
знать и помнить, чтобы потомки
не совершали подобное в будущем.*

У

каждого человека есть вспышки ярких воспоминаний, которые он хранит в своем сердце всю жизнь. Эти воспоминания привязывают нас к определенным местам и событиям, являются незримой нитью, связывающей прошлое и настоящее. Память — удивительное свойство человеческого ума. Она — наш большой друг, но в то же самое время является и нашим врагом. Часто память отсеивает печальные моменты, как бы защищая нашу психику, но иногда, наоборот, грустные события прошлого живут с человеком всю жизнь.

У Игната Шевцова было несколько таких событий детства, которые он вспоминал с трогательной нежностью. Вот он, еще совсем маленький мальчик, с задорным смехом бежит босиком по летнему лугу и уворачивается от играющих с ним мамы и бабушки, которые пытаются в шутку его поймать. Рядом прыгает маленькая собачка и весело лает.

А вот он, ужаленный пчелой, весь в слезах прибегает из сада, и дедушка ласково прижимает его к себе, приговаривая: «Это на пользу, Гнатик». Дедушкины руки пахнут свежей травой и медом. Сладко пахнут.

Другое, только уже печальное воспоминание, тоже не стерлось из памяти Игната. Однажды он играл во дворе с маленьким котенком, который совсем недавно открыл глазки и был забавно-неуклюжим. Игнат смеялся, вода перед его носом кусочком хлеба и наблюдая, как котенок фыркает и пытается лапкой ухватить приманку. Вдруг, когда Игнат на секунду на что-то отвлекся, с высокого дощатого забора спрыгнул огромный черный кот, схватил котенка в зубы и проворно скрылся в узкой щели между досками. Мальчик бросился за ним, но не догнал и горько заплакал. Долго еще потом бабушка не могла его успокоить, ведь котенка он так и не нашел.

Но это все были моменты беззаботного детства, когда все близкие были дома и жили в достатке и благополучии. А горькие воспоминания засели в сердце Игната чуть позже, когда ему исполнилось девять лет. Именно тогда и закончилось его счастливое детство.

Большая семья Шевцовых состояла из семи человек. Помимо матери и отца у Игната были еще бабушка Клава, два брата и сестра. Игнат был самым старшим из детей. Через три года после него родился Семен, а младшим, Мишке и Анечке, было по четыре и два года соответственно. Дед Василий, которого Игнат очень любил, не дожид до суровых двадцатых годов. Спасая провалившуюся зимой в польню лошадь, он сам побывал в ледяной воде. За всю жизнь никогда не болел, а тут слег с температурой и умер в удушающем жару. Светлую память хранил о нем Игнат.

Когда-то с дедом он работал на пасеке, облаченный в специальную сетчатую маску и белый халат, сшитый по его росту. Мальчик держал двумя руками дымарь и окуривал рамки с пчелами, которые дед доставал из улья. А самого-то маленького помощника из-за тех ульев не видно было! Нравилась эта работа Игнату. Нравились дедушкины рассказы на пасеке про всякие растения и различное зверье.

После смерти деда мальчик горько плакал, согрываясь от рыданий, потому что потерял дорогого человека. Это была первая большая потеря в его жизни.

Жили Шевцовы в достатке. Две коровы во дворе, телята, овец двадцатка, а кур Игнат и не считал никогда. В поле Егор Шевцов, отец Игната, управлялся на сильном молодом жеребце, которому равных не было в округе. Довершала хозяйство пасека из десяти-пятнадцати ульев в небольшом саду. За всем этим требовался хороший уход, и Егор иногда не успевал, нанимал в помощь кого-нибудь из бедноты, чтобы привезти сено с дальних лугов или убрать делянки с хлебом. Платил всегда честно, приговаривая, что за хорошую работу и денег не жаль. Да, видно, зависть людская не терпит справедливости.

На дворе стояла весна тысяча девятьсот двадцатого года. Три года прошло после октябрьских событий, которые переменяли всю жизнь в селе Осиновке Кирсановского уезда Тамбовской губернии, — на родине Игната. К власти пришли большевики из местной бедноты, которые важно расхаживали теперь по селу и грозились арестовать всех кулаков. Главным у них в волостном совете был отец Маньки Распоповой, одноклассницы Игната по церковно-приходской школе. Звали его дядя Семен. Игнат с ранних лет дружил с его дочерью и иногда бывал у них дома. Жили они бедно, но достойно. Дядя Семен работал за двоих, но неплодородная

земля и слабая лошаденка не давали развернуться. Из нужды выбиться трудно, цепко она держит мужика своими скрюченными пальцами. Но революция все поставила с ног на голову. Приехал в восемнадцатом году человек из уездного Кирсанова, собрал бедняков в избе, рассказал им про события в Петрограде и предложил вступать в партию коммунистов. Сразу тридцать пять человек их записалось, а председателем выбрали Семена за его грамотность и справедливый характер.

Сначала эти коммунисты решили переделить землю на селе, чтобы, как они выражались, сделать все по-честному. Но переделали так, что озлобили большинства зажиточных мужиков. Затем отобрали водяную мельницу у помещика Севостьянова, а также дом его и амбары со всем содержимым. Дескать, нажил, окаянный, нечестным трудом, издеваясь над крестьянством. Помещик бежал из деревни, а добро его счастья никому не принесло. Дом без надзора однажды ночью сгорел. Грешили на поджог, но как тут докажешь? Никто не видел. А на мельницу специалист нужен был, ведь агрегат не из простых. Но такого в селе не нашлось, и мельницу закрыли. Зерно потом ездили молотить за 20 верст в соседнее Калугино.

Так или иначе, но жизнь в Осиновке продолжалась. По миру никто не ходил, еще и на продажу зернишка хватало. Однако в девятнадцатом году большевики стали взимать с населения продразверстку. Придумают цифру хлебного сбора, которую должен сдать каждый двор — и хоть ты плачь, а налог отдай! С бедных поменьше, с кулаков поболее. Отряды продработников приезжали вооруженные до зубов. Тут уж не поспоришь. Отдашь да еще спасибо скажешь непонятно за что. В двадцатом году вообще стало тяжело. Продуктов у населения мало, а цифра налога выросла. Продотрядовцы, в большинстве своем из городских рабочих, не жаловали крестьян, видя в них укрывателей продовольствия и вредителей Советской власти. Поэтому их методы изъятия продуктов зачастую носили разбойничий характер. Докатилась эта беда и до Осиновки.

В один из майских дней в селе появился продотряд комиссара Гольдина. Именно этот день стал точкой отсчета бед для семьи Шевцовых.

Игнат с утра с ребятами рыбачил на озере совсем неподалеку от села. На удочку хорошо шел карась, и мальчишки уже предвкушали, как порадуют родных, высыпав перед ними ворох рыбы. Рыбалка уже близилась к завершению, когда мальчишек привлек странный шум, доносившийся от домов. Слышались крики людей, ржанье лошадей, а потом раздалось два выстрела. Мальчишки, не сговариваясь, быстро смотали удочки, прихватили рыбу и бросились домой. Запыхавшийся Игнат с задней калитки влетел во двор и, опешив, остановился. На дворе стояла чужая лошадь, запряженная в телегу, возле которой суетились несколько красноармейцев, грузили на нее мешки с зерном. Зерно они выгребали прямо из амбара Шевцовых на глазах всей семьи. Тут были бабушка, мать Игната — Дарья, его братья и сестра, плачущие навзрыд от испуга. Чуть поодаль два солдата прижали отца Игната к стенке сарая, а комиссар в кожанке, наставив на него наган, громко вел допрос:

— Где спрятал зерно, гад? Отвечать!

Того зерна, что насыпали из амбара, комиссару было мало. Видно, кто-то донес, что у Егора должен быть излишек.

— Какой же я тебе гад? — усмехнулся в ответ Егор Шевцов, славившийся в селе своей смелостью. — Я честный труженик. Ничего ни у кого отродясь не взял.

Егор был без рубашки, видно, застали его врасплох за работой.

— Ты и не должен брат. Ты должен отдать! Где зерно, в последний раз спрашиваю? — комиссар был маленький, тщедушный, но наган его смотрел в лицо Егора угрожающе.

Тут же, во дворе, находились два осиновских коммуниста, в задачу которых входило показывать продотрядам дома местных кулаков.

— Ванька, ты же сам у меня работал. Разве я когда тебя обидел? Всегда честно платил. За что такая несправедливость? — окрикнул Егор одного из сельсоветчиков.

— За что? — злобно взглянул на него из-под низко надвинутого на глаза картуза коренастый мужик. — Я в марте просил у тебя зерна. Не дал, кровопивец!

— Ты без денег просил, а мне свою семью кормить надо.

Ванька сплюнул на землю сквозь зубы и процедил:

— Вот сейчас и будут тебе деньги. За все сполна получишь.

Комиссар отдал короткую команду, и два красноармейца подхватили Егора под руки, бросили ничком на лавку. Руки его под лавкой крепко перевязали веревкой, чтобы не мог шелохнуться. Подошел высокий красноармеец в натальной рубашке, на бледном лице которого блуждала странная улыбка. В руках у него был кнут, с которым Игнат пас иногда коров.

— Всыпь ему десять горячих для начала. Может, вспомнит, куда зерно зарыл, — распорядился комиссар, отойдя немного в сторону.

Свистнул кнут, и на спине Егора сразу вздулся красный рубец и выступили капельки крови.

«О-ох...», — только и простонал Егор, до боли стиснув крепкие зубы.

А палач лихо размахивался еще и еще, рассекая кнутом воздух и спину Егора. Бабушка Игната кинулась было к сыну, пытаясь хоть как-то его защитить, но один из бойцов грубо оттолкнул ее так, что она упала на землю, ударилась и потеряла сознание. Ее оттащили в сторону, а мать Игната склонилась на ней, причитая и пытаясь привести свекровь в чувство.

Игнат, до этого в оцепенении наблюдавший за происходящим, неожиданно для всех схватил палку и с пронзительным криком: «Не трогай папку!» бросился на палача. Тот проворно развернулся и огрел мальчика кнутом: «Получай, змееныш!». Игнат, выронив из рук палку, схватился за рассеченную щеку, заплакал и убежал за сарай. Он сидел за стеной сарая, всхлипывая и размазывая по щекам слезы вперемешку с кровью, и слышал, как снова пороли отца.

— Добавь ему, Гришка! Будет знать, как Советскую власть дурачить! — командовал комиссар хриплым голосом.

Отца тогда избили до беспомысленности. Может, забили бы и совсем, но остановил произвол председатель волсовета дядя Семен, подоспевший сюда из Инжавино, куда ездил по хозяйственным делам.

— Остановись, Яков Иделевич. Что люди подумают о нас? — придержав комиссара за руку, произнес тяжело дышащий Распопов.

— С мерзавцами так и надо, — Гольдин выдернул руку и притопнул ногой, злобно вращая глазами. — Супротив Советской власти не смей!

Однако, покосившись на низкий забор и соседние дома, откуда за происходящим наблюдали настороженные крестьяне, велел палачу остановиться.

— Хрен с ним, Гришка. Отдыхай!

Гришка, бросив кнут, медленной походкой прошел к колодцу, наклонился над полным ведром и принялся жадно пить.

Гольдин неторопливо протер пенсне, водрузил его на острый нос и вдруг резко крикнул своим бойцам:

— Ну, что встали? Ищите хлеб!

Красноармейцы проверили чердак, подпол, сараи и под копной сена нашли схрон, куда всего несколько дней назад Егор припрятал зерно, чтобы хоть сколько-нибудь оставить детям на пропитание. В итоге получилось, что он сделал только хуже. Теперь продотрядовцы выгребли все подчистую, не оставили даже положенной нормы на еду.

— Видишь, не зря его пороли. С укрывателями иного разговора у нас не будет, — сказал довольный Гольдин председателю. — Оповести все село. Пусть знают, что Советская власть сурово карает вредителей.

Выглядывавший из-за сарая Игнат увидел, как лошадь тяжело стронула нагруженную телегу и медленно потащилась вдоль улицы к Совету. За ней шли красноармейцы, и верхом на коне ехал Гольдин, что-то еще указывавший рядом идущему председателю.

Когда отряд удалился, подоспевшие соседи помогли Игнату с матерью перенести отца и бабушку в дом.

Бабушка потом в себя так и не пришла. Сердечный удар хватил. Полежала две недели в беспамятстве и померла. А Егор выжил. Много силы было в его теле. На германской войне, бывало, если лошадь убивали, он мог телегу со снарядами в гору затащить. Тяжеловозом в шутку называли его солдаты в роте. Да и два Георгия за просто так не дадут.

Отлежался Егор после порки и снова — за работу. Надо ведь как-то детишек кормить. Только после этого случая стал он нелюдим. Молчал много и о чем-то напряженно думал.

— Ничего, Ганька. (Так он называл Игната). Ты запоминай, хоть и малой еще. Отольются им наши слезы.

Еды семье теперь катастрофически не хватало. Иногда мучицы вперемишку с пылью подкидывал кто-нибудь из родственников, и тогда в избе было весело. Мать месила тесто и пекла в русской печке хлеб, вкуснее которого, казалось, Игнат ничего и не едал.

— Ешьте, оглоеды, — ласково прикрикивала на детишек суетившаяся у печки с ухватом мать, наблюдая, как с удовольствием ребята уплетают еще дышащий хлеб.

Очень выручала их корова-кормилица, которую дети называли Зоренькой. Вторую корову Шевцовых увели продармейцы. Сказали, что это в наказание за спрятанное зерно. Хорошо еще, что на огороде уцелели репа с морковью.

Так прошло лето и начало осени. Уже вовсю по губернии полыхало крестьянское восстание против Советской власти, у руля которого встал эсер Александр Антонов, а Осиновку грозы до поры до времени обходили стороной. Но долго так продолжаться не могло.

В сентябре в семье Шевцовых случилась новая напасть. Проезжавший через деревню отряд красноармейцев решил за счет кулаков и контры обновить конный состав. Пришли и к Егору, забрали у него вороного жеребца. Взамен отдали разбитую лошаденку, которая недели через три сохла. Как теперь без коня жить?

В этот раз Егор ничего не сказал обидчикам. Когда забирали коня, с которым он пришел с войны, в его глазах стояли отчаяние и боль. И еще неизвестный до этого огонек появился. Недобрый.

— Нету моих сил, Дарья, — однажды вечером сказал он жене. — Не могу я так больше. Ведь растоптали нас, как тараканов. Надо защищаться. Мужики говорят, Антонов в округе людей против коммунистов поднимает. Верят ему. Вчера от него Ишин из Калугино приезжал. Говорит, что скоро и Тамбов возьмут. А в Москве переворот готовится.

— Не надо, Егор! — испуганно прижала руки к груди Дарья. — Обманут. Нельзя нам супротив власти. Пропадем.

— Знаю, что нельзя. Только один хрен пропадем, — тяжело вздохнул Егор. — Давят нас. А сидеть и ждать, когда последние штаны отберут, тоже нельзя. Этими вот руками все заработано.

Егор посмотрел на свои большие грубые ладони, потом перевел взгляд на иконы в углу.

— Бог не сдаст, — с надеждой произнес он.

Игнат с печки смотрел на понуро сидящего отца, на заплакавшую тихими слезами мать, и на душе его было муторно-тоскливо. Он еще не понимал всей надвигающейся беды, не мог предвидеть тех жестоких испытаний, которые им предстоят, но тревога поселилась в его маленьком чутком сердце.

Недели две спустя Ишин вошел в Осиновку большим отрядом и сразу собрал сход на площади близ волостного Совета. Коренастый широкоплечий мужик с волевым подбородком и цепким взглядом, Ишин внушал крестьянам уважение. И не только уважение, но и страх. Знали в округе, как Ишин беспощадно и жестоко обращался с коммунистами. Он был эсером с дореволюционным стажем. Еще в тысяча девятьсот пятом году Иван поднимал волнения в округе против царизма и помещиков. В довесок Ишин владел еще и ораторским искусством. Он мог так произнести речь, подобрать такие нужные слова, что крестьяне полностью верили ему и готовы были следовать его указаниям. Фактически он являлся заместителем Антонова по политической части.

В этот раз митинг был недолгим, потому что боялись подхода красных войск из Инжавино. Да и село после частых поборов продотрядов и так было на стороне Антонова. Лишь двое коммунистов, не успевших убежать и застигнутых врасплох, попытались спрятаться в бывших барских амбарах. Их схватили и, подгоняя прикладами, привели на площадь. Суд над ними был скорым. Все решил сам Иван Ишин.

— За грабеж простого народа, за издевательства над населением мы приговариваем вас к смерти, — обращаясь к пленникам, торжественно произнес Ишин приговор перед толпой. — Коммунистам от нас пощады нет и не будет.

Избитых связанных сельсоветчиков отвели к небольшой яруге и поставили на колени.

— Руби, Яшка! — скомандовал Ишин своему палачу.

Здоровенный мужик, которому, видимо, не впервой было этим заниматься, вразвалку подошел к отчаявшимся пленникам, примерился и дважды рубанул пашкой. Толпа охнула и чуть притихла. Окровавленные тела коммунистов антоновцы столкнули в яругу, запретив сельчанам к ним подходить. Только ночью, когда отряд Ишина ушел из села, родственники забрали тела павших.

Игнат и это все видел, прибежав с ребятами посмотреть на переполох. Страшно было и непонятно, за что Ишин велел порубить хорошо знакомых им дядек. А слышавшийся неподалеку громкий плач матерей убитых впускал в сердце щемящую жалость.

Однако последующие события переклЮчили внимание ребят. Ишин объявил запись в Низовой партизанский полк, и потянулись мужики к писарю, сидевшему тут же на улице за вынесенным из дома деревянным столом. Записался в партизаны и Егор Шевцов.

Сборы были недолгими, так как Ишин велел поторапливаться. Неподалеку оперировала бригада неутомимого красного командира Переведенцева, опытные бойцы которого всегда одерживали победу в стычках даже с многочисленными, но плохо организованными отрядами партизан.

Егор в светлой горнице обнял всхлипывавшую жену, заскорузлой рукой погладил по голове Игната, пытавшегося сдержать набегавшие слезы.

— Как же мы будем без тебя, Егор, — произнесла Дарья, прижимаясь к мужу и не желая его отпускать.

— Ничего. Обойдется как-нибудь. А сидеть дома сложа руки я не могу, — Егор осторожно отстранился от жены и повернулся к Игнату.

— За старшего остаешься, Гнатка. Береги мать и малых, — невесело проговорил Егор.

— Да, отец, — дрогнувшим голосом ответил Игнат. Потом все же не выдержал и зашмыгал носом.

— Ну, будет! — решительно сказал отец. Он набросил на спину холщовый мешок с наспех собранными продуктами и кое-какими необходимыми в походах вещами. — Не провожайте. Пошел я.

Егор по очереди поцеловал притихших и ничего не понимающих младших детей, перекрестился на иконы и вышел, хлопнув дверью. Игнат в оконце видел, как отец широким шагом направился к Совету.

С того дня жить Игнату и его семье стало еще труднее. Опять в село вернулись красные, и по всем избам начались обыски. Искали хлеб, искали оружие, искали бандитов. А находили тулупы, седла, хомуты и другой скарб, который забирали как контрибуцию. Некоторые красноармейцы натягивали на себя даже бабские новые панталоны вместо износившегося нижнего белья. Под шароварами не видно, а добро свое нужно хранить в тепле.

Беглые коммунисты во главе с Семеном Распоповым, которые вернулись из Инжавино, где спасались от расправы, составили списки ушедших в банду и показывали красноармейцам их дома. Сам Распопов не зверствовал, но задания партии выполнял четко и беспрекословно. Приказано конфисковать — значит он выполнит!

— Ничего, Семка, аукнутся тебе наши слезы. Доиграешься, — шипели ему во след бабы.

И точно. Аукнулось. Как-то в начале декабря на рассвете ворвались к нему в дом несколько партизан, скрутили сонного и вытащили на улицу. Он даже сопротивления не смог оказать. Сразу за домом Распопова протекала небольшая речушка Панда. На изгибе замерзшей реки образовалась промоина, и бандиты подтащили к ней упирающегося председателя.

— Что вы творите, звери? — в отчаянии крикнул Распопов своим палачам.

— Откомандовался, Семен. На корм рыбам пойдешь, — яростно произнес один из бандитов.

Пытавшегося вырваться Распопова сильно ударили по голове и обмякшее тело пустили под лед. Булькнула несколько раз водица и — ничего... Кончился Распопов. В эту ночь мучительной смертью погибли еще трое осиновских коммунистов, имевших неосторожность заночевать дома.

Об этих жутких новостях Игнат узнал от матери утром.

— Быть большой беде, Гнатка, — пророчески произнесла мать, прижимая руки к тревожно стучащему сердцу.

Игнат быстро натянул рубаху и бросился к дому Распопова. Гнало его туда чувство переживания за Марию, дочку убитого председателя, с которой он был очень дружен. Но в дом мальчика не пустили. Как только он поднялся на порог, из дома выскочил старший брат Марьи и сильно толкнул Игната в грудь.

— Пошел отсюда, бандитское отродье, — зло прокричал он.

Игнат упал и больно ударился об ледянку. Однако сейчас он не заплакал. Быстро поднявшись, мальчик подобрал упавшую с головы шапку и пошел от дома Распоповых прочь. Ничего, он увидит Машу позже.

Тело Распопова извлекли из реки ниже по течению на следующий день. Игнат запомнил, как у волсовета стояли три гроба, обитые красной материей. Был митинг, на котором выступали коммунисты из уезда и клялись отомстить убийцам и самому главному бандиту Антонову. Под траурный оркестр они спели Интернационал и опустили гробы в большую могилу, вырытую на площади. Над свежим холмиком земли, чернеющим среди вытоптанного грязноватого снега, красноармейцы водрузили пирамидку с пятиконечной звездой и дали три залпа из винтовок. Игнат потом с ребятами собрали несколько гильз как военный трофей для своих игр. Ведь пусть и такое суровое, но детство у них еще продолжалось.

С Марией Распоповой Игнат увиделся только через неделю на улице. Она была тиха и печальна, даже не смотрела по сторонам, направляясь к родственникам.

— Здравствуй, Маша, — окликнул девочку Игнат и замолчал, не зная, как продолжить разговор.

— Здравствуй, — негромко произнесла девочка и остановилась, пристально оглядывая растерявшегося Игната.

— Мне очень жалко дядю Семена, — искренно произнес мальчик.

Марья заплакала и, ничего не ответив, быстро пошла на другой конец улицы к тетке. А Игнат в растерянности остался стоять на месте. Ему хотелось пожать девочку, но он не понимал, как это сделать.

Осиновка той зимой разделилась на три лагеря. С одной стороны — коммунисты и им сочувствующие, с другой — бандиты, а с третьей — те, кто пытался уцелеть меж двух огней. Каждый боялся получить пулю из-за угла. Боялся, что сожгут избу в лютые морозы или уведут скот. И никто не знал, что же будет дальше, как разрешится эта кровавая драма.

Изредка по ночам, лежа на овечьих шкурах на печи, Игнат слышал осторожный стук в окно. Это приходил уставший невеселый отец навесить семью. Пока мать хлопотала у печки, отец садился за стол, усаживал Игната напротив и как со взрослым разговаривал с сыном. На небритом лице Егора по-прежнему жили добротой родные Игнату глаза.

— Обижает вас? — очищая сваренную в мундире картошку, спрашивал его отец.

— Не шибко, — степенно отвечал Игнат. — Есть шпана красная на том конце деревни. Но мы туда не ходим. Грозятся побить.

— Правильно. Не ходите. Не надо лихо дразнить, — поддержал его отец. — Вас из-за меня не должны тронуть, но и помогать не будут. На себя надо надеяться. Эх, дров-то я мало запас. Мерзнете вы.

Егор горестно качнул головой, поежился от холода. Не мог он всего предусмотреть в этой лихорадке событий.

— Ничего, отец. Не замарнем. Под овчинами спим. Мы с мамкой в лесок ходили на салазках за хворостом. И еще сходим.

— Молодец! — похвалил отец Игната, а потом обратился к матери. — Что у нас с продуктами, Даша?

— До весны, может, и дотянем, — вздохнула Дарья, поправляя передник. — Картохи чуть осталось. Хорошо, корова выручает. А так ведь чем малых кормить?

— Ничего, я что-нибудь достану. Не погибнете, — успокоил жену Егор. — Вот наемни красных в совхозе трягнули. Я вам тут припас.

Егор из мешка выложил на стол кулек муки и несколько кусков сахара, чтобы порадовать сладким ребятишек.

И правда, до весны они, хоть и впроголодь, но дожили. Не все на селе озлобились, помогали детишкам, несмотря на то, что у каждого и своих проблем хватало. Не могли крестьяне никак взять в толк, что же будет в их жизни дальше. То коммунисты агитировали за Советскую власть, говорили, что скоро все наладится. Надо, мол, только искоренить бандитизм, который не дает спокойно жить и работать. То внезапно, когда поблизости не было красных частей, появлялись антоновцы и во всех бедах винили большевиков и грозились всех их перестрелять. В страхе жило село.

Иногда в окрестностях происходили стычки партизан с красными частями. А после в селе шли похороны совсем еще нестарых и здоровых мужиков. К счастью, пули не трогали Егора Шевцова. Случалось ему попадать в передряги, но бог его, видно, миловал.

Тяжело жить на селе без взрослого работника в семье. В отсутствии отца много нелегкой работы выпало на долю Игната. Он поил телят, чистил навоз, рубил дрова и делал много чего еще, помогая матери.

В конце апреля двадцать первого года Игнат с матерью посадили немного картошки. Разрезали целые картофелины на части и бережно укладывали в землю. Мать лопатой копала лунки, а Игнат шел за ней с ведерком. Тяжело было, но он терпел. А рядом на меже играли младшие ребяташки. Все худющие, в поношенной одежонке, но веселые. Зиму пережили, а на солнышке и душа радуется.

В огороде всякая зелень стала расти. Рвали щавель, горлюпу, крапиву. Мать с картофельными очистками варила похлебку, и дети, зажав в ручонках краюшки непонятно из чего испеченного хлеба, жадно уплетали варево. Жизнь — упрямая штука. Она свое берет!

Только ведь лихо не ходит поодиночке. Если уж прицепится к человеку — не стряхнешь.

В конце мая двадцать первого года стало известно, что в губернский Тамбов прибыл большой военный начальник Тухачевский, а с ним несметное количество красных войск для подавления восстания. Как-то через Осиновку проезжал отряд бронемашин. Несмотря на страх, детвора выбежала на улицу поглазеть на диковинные изобретения, которые сами ехали без лошадей, мелодично урча моторами. Наверху этих машин в сторону домов грозно смотрели пулеметы. А управляли этими автошферы в фуражках со звездочками и кожаных куртках.

— Да, кони супротив таких машин не сдюжат, — переговаривались между собой старики.

— Конь надежней, — спорили другие. — Коню керосин не нужен.

— С такой силищей они всех коней отберут. Пропал мужик, — ворчали трети, в смятении трепая бороденки.

Это была не просто силаща. Против мужиков, скакавших по лесам на подушках вместо седел, большевики направили бронепоезда, самолеты, автобронепоезда, артиллерию и более пятидесяти тысяч человек пехоты и кавалерии. Будто с каким грозным врагом воевали. А может, так оно и было? Слишком большую угрозу представляло это восстание для Советской власти.

Пришло и еще одно известие на село. В Осиновку и в соседние села прилетал аэроплан и разбрасывал листовки. В них говорилось, что Советская власть пошла навстречу крестьянам и решила сделать им послабление. Как наивысшее благо провозглашалось, что продразверстка отменяется, а вместо нее вводится твердый налог, который будет исчисляться грамотным образом так, чтобы крестьянин мог вздохнуть. Также объявлялась явка с повинной, по которой бандиты, не имеющие на своих руках крови коммунистов, после дознания отпускались домой.

Это объявление внесло серьезное расстройство в ряды антоновских войск. Потянулись рядовые партизаны сдаваться, устав от лишений и соскучившись по мирной жизни.

Теперь и Дарья ждала, что Егор вскоре явится в волсовет на милость властям. Да он и сам уже хотел так поступить.

— Страшно мне за вас, Даша, — шептал он ей, крепко прижимая в сенцах в очередной свой ночной приезд. — Не дадут вам жить из-за меня. Да и я устал.

— Сдайся, Егор. Ведь отпустить обещают, — жадно вдыхая родной запах мужа, шептала Дарья. — Вон Митьку Логинова отпустили. И Ваську Кутукова.

— На мне нет ихней крови. Только Ишин больно грозит за дезертирство из отряда. Этот не пощадит. Тогда не красные, так свои накажут, — с сомнением в голосе произнес Егор.

— Что-то надо выбирать. О детях подумай, — уже тверже сказала Дарья.

— Эх, черт! Куда ни кинь — клин-то один, — выругался Егор. — Подумаю.

Он ушел, оставив в сердце Дарьи надежду на скорое успокоение. Только не сбылись Дарьины думки. Несколькими днями позже пришло известие из Трескино, где располагался в то время Военный ревтрибунал. Там после короткого дознания расстреляли десять человек бандитов, явившихся с раскаянием. Может, и виноваты были расстрелянные, только власть не сдержала свое обещание не трогать добровольно явившихся. Слух об этом поселил недоверие в умы скитавшихся мужиков.

— Не пойдем на пулю. Лучше погуляем еще. Умирать на воле приятней. Да и жизнь свою подороже продать можно, — говорили они меж собой.

Не сдался Егор и ушел с отрядом в рамзинские болота. Там быстрая река Ворона распадалась на несколько рукавов, образуя множество небольших островков, густо поросших деревьями, кустарниками и тростником. Больше месяца жили в этих местах партизаны, залечивали раны и ждали развязки, лишь иногда делая вылазки за продовольствием. Невидимая тревога витала в воздухе. Антонов и его командиры говорили, подбадривая бойцов, что надо дожидаться, когда основные силы красных уйдут из губернии.

— Тогда все уезды поднимем и свернем шею Советской власти, — по старой привычке агитировал Ишин. — Будет наша справедливая крестьянская власть.

— А кто же главным будет, Иван Егорыч? — спрашивали его товарищи. — Опять царь или Дума?

— Царь нам не нужен. Против царя я с Александром Степанычем (так он уважительно называл младшего на десять лет Антонова) с девятьсот пятого года воюю. Но и большевики нам не нужны. Они только хлеб горазды воровать, а толку от них для честного крестьянина никакого, — Иван подбирал веские слова, нахмутив густые черные брови.

— Так кто же?

— Свою власть поставим, крестьянскую. Александр Степаныч у нас есть. Он знает.

Эти доводы действовали на партизан. Вообще авторитет Антонова и Ишина у мужиков был очень высок, и они верили горячим словам агитатора. Только события стали развиваться с сокрушительной скоростью совсем по другому сценарию. Красные опубликовали приказ, по которому семья отсутствующего бандита берется в заложники на две недели. Если бандит не явится в этот срок, то семья высылается на Север, а имущество ее полностью конфисковывается. Красные части немедленно приступили к выполнению этого приказа. Стариков, женщин и детей арестовывали и отправляли в концентрационные лагеря, специально для этого созданные на Тамбовщине.

В Осиновке в это время вместо убитого Распопова комиссарил Андреев, присланный туда из уездного городка Кирсанова. До мозга костей ненавидевший богатство и всех, у кого оно хоть сколько-нибудь имелось, он вел беспощадный бой с носителями этого богатства. Причем вопрос о том, что в результате перераспределения излишков кто-то все равно станет состоятельным, его совершенно не волновал. Он жил настоящим.

Однажды июльским погожим утром Андреев по-хозяйски распахнул дверь Егорова дома и в сопровождении троих красноармейцев вошел внутрь. Худой высокий комиссар с маузером на боку имел внушительный, грозный вид. Мать Игната суетилась за занавеской у печи, собираясь готовить детям нехитрую еду. Заслышав стук сапог по половицам, она вышла в комнату с прижатой к груди тряпкой и замерла с выражением испуга на лице. Игнат только проснулся и собирался выйти во двор, но его остановил властный голос.

— Погоди, малец, — строго сказал ему Андреев и повернулся к молчавшей Дарье. — Твой бандит где?

— Ты спрашивал давеча уже. Не знаю я, — дрожащим голосом ответила Дарья.

Игнат подошел к матери и стал чуть впереди нее, как бы пытаясь защитить. На худом бледном лице мальчика смело сверкали карие глаза.

— Не пришел, значит, — констатировал ситуацию Андреев. — Тогда слушай сюда.

Комиссар прошел к окну, где было больше уличного света, достал из полевой сумки бумагу и зачитал текст.

— Именем Советской власти! Бандит Шевцов Егор Васильевич участвует в каиновой работе по убийству большевиков и красноармейцев, следовательно является врагом трудового народа и объявляется вне закона. На призыв Советской власти сдаться он не явился на сборный пункт. Поэтому семья его: жена Дарья, сын Игнат — десять лет, сын Семен — семь лет, сын Михаил — пять лет и дочь Анна — три года подлежат аресту в концентрационный лагерь на две недели. Имущество Шевцовых также подлежит аресту.

Андреев закончил читать, убрал бумагу в сумку и добавил:

— Вам дается на сборы три часа. Через три часа быть у волсовета. При себе иметь запас еды.

— Как же так? — ахнула Дарья. — Дети ведь малые. Пропадут.

— Вернется твой бандит, тогда всех отпустим. Не пропадут, — усмехнулся Андреев, обнажив прокуренные желтые зубы. — А не придет — пеняйте на себя.

— Скотину-то куда девать, господи, — запричитала Дарья. Игнат схватил ее за руки, пытаясь хоть как-то успокоить. С печки высунули головы младшие, вращали испуганными глазенками, не понимая, что происходит.

— За скотиной пока соседи присмотрят, — ответил комиссар. — Если Егор не вернется, то вас вышлют в Архангельскую губернию, а имущество раздадут честным крестьянам.

— Что же это делается, господи? — женщина в отчаянии повернулась в угол к иконам и осенила себя крестным знамением.

— Это тебе не поможет. Все! — резко оборвал ее Андреев. — Три часа у вас. И не вздумайте бежать. Село оцеплено нашими войсками.

Андреев с красноармейцами вышел на улицу и направился к очередной несчастной семье.

Дарья на несколько минут лишилась сил и в оцепенении опустилась на лавку.

«Что же теперь делать? Как уберечь детей? Где взять столько еды с собой? Узнает ли Егор об их беде, и как он поступит?» — металась мысль в ее голове, болью отдавая в сердце.

— Мама, мама, — вывел ее из оцепенения голос Игната. — Нам надо торопиться.

На печке расплакались младшие дети. Они по очереди слезли на пол, подбежали к матери и встали напротив. Сердце у Дарьи разрывалось на части. Ну что она могла им сказать? Как успокоить, когда самой так тошно, хоть в петлю лезь?

— Хватит вам кричать, — тихим голосом произнесла мать. — Будем собираться. Иди, Игнат, на огород, копни молодой картошки. Хоть что-то набери.

Через три часа у волсовета собралась толпа односельчан. Даже ветхих стариков с палками, даже женщин с грудными детьми, больных и хромых — всех согнали сюда. Их теперь объединяло одно несчастье — взрослые мужчины из этих семей были в банде. Сорок две семьи из двухсот одиннадцати человек подлежали заключению в концентрационный лагерь. Поодаль от крестьян рассредоточились красноармейцы с винтовками, охраняли порядок. За селом красные выставили защитные дозоры, чтобы банды ненароком не совершили внезапный набег и не отбили пленников.

Игнат на всю жизнь запомнил, как он в первый раз покидал родное село. Вместе с их небольшими пожитками, завязанными в узлы, заложников посадили на подводы, которые большевики предусмотрительно приготовили для этой цели. Провожать невольников вышло все село. Комиссар, выставив вперед рыжую бороденку, еще раз произнес в толпу речь, отметив особо, что если бандиты явятся, то пленники вернутся домой. Расчет был на то, что молва донесет эти слова до ушей скрывающихся крестьян.

Потом Андреев приказал помощникам проверить по спискам арестованных и, когда это было сделано, громко скомандовал:

— Трогай! Пошел!

Первая подвода медленно ступала с места, а ней вторая, третья... Вытянувшись лентой, печальный караван плавно поплыл из села. До последних домов несчастных заложников провожали сочувствующие им односельчане. Подружка Игната Марья тоже пришла проводить земляков. Девочка в белом платочке и стареньком ситцевом платьишке какое-то время шла рядом с телегой и с тревогой в глазах смотрела на детей.

— Куда вас везут, Гнатка? — спросила она мальчика.

— Слышал, что под Инжавино лагерь, — стараясь не выдать своего волнения, ответил Игнат.

— Я знаю, вы вернетесь. Я знаю! — вдруг всхлинула девочка и остановилась, не пошла дальше.

Она стояла и плакала посреди дороги, переживая все как свое собственное горе. У нее было доброе сердце. Девочка была уверена, что не Игнат с матерью виноваты в том, что убили ее отца. Не вот эти маленькие зареванные ребятишки являются врагами. И она не понимала, почему этого же не понимают взрослые, которые с винтовками наперевес провожают безобидных людей.

Красноармейцы не пустили провожающих за околицу, и дальше караван поплыл в сопровождении одного конвоя. К вечеру прибыли на окраину Инжавино, где прямо в чистом поле стояли старые армейские палатки. Возле них было свалено несколько возов дров для готовки пищи и находились деревянные бочки с водой. Чуть поодаль из досок было оборудовано отхожее место. Вся территория лагеря была обнесена двумя рядами колючей проволоки, между которыми по углам возвышались караульные будки.

В лагере уже находились заложники из других сел района, и они быстро объяснили лагерные порядки вновь прибывшим. Да и объяснять-то особо было нечего. По лагерной небольшой территории разрешалось передвигаться беспрепятственно, а костры можно было разводить с семи часов утра, чтобы испечь картошку или еще какой овощ. Каждое утро арестованным давали по небольшому куску хлеба, который они старались растягивать на целый день. Помыться было негде и нечем, воды хватало только для питья. В палатках не было даже сена, и спящих от земли отделила только ткань. Контингент в лагере постоянно менялся: кого-то отпускали домой, кого-то отсылали в Тамбов и дальние лагеря.

Несколькими днями позже от знакомых Игнат с матерью узнали, что отец их, услышав об аресте семьи, явился в Трескинский ревком с повинной. Этому поспособствовало и то обстоятельство, что командир его отряда Иван Егорович Ишин поехал на свою погибель в Москву за помощью и поддержкой у подпольного антибольшевистского комитета. Оставшись без жесткого командования, отряд стал понемногу разбредаться.

— Отпустят нас теперь, мама? — пытливо выпрашивал Игнат, испытывавший в лагере постоянное чувство голода.

— Должны отпустить, сынок, — отвечала Дарья, вдоволь наплакавшаяся по своей нелегкой судьбе и покорно ожидавшая от начальства решения их участи. — Не изверги же они так над детьми измываться.

— А не отпустят, я убегу тогда! — сверкнул острыми глазами Игнат.

— Сиди, дурак! Куда убежишь-то? Только хуже будет, — резко одернула сына Дарья. — Тебе отец что сказал? Младших оберегать. Вот и выполняй, неслух!

Ослушаться отца Игнат никак не мог. Просто его детский ум еще не осознавал всего происходящего, всей несправедливости, творящейся на земле.

— Ладно, пошутил я, — буркнул виновато Игнат и отправился к младшей детворе, которая рядом играла с палками в пыли.

Проходил день за днем, а Дарью с детьми не выпускали. На ее попытки расспросов, часовые коротко и грозно одергивали:

— Не положено. Там разберутся.

А там, то есть в Ревкоме, разбираться никто не хотел. Было короткое дознание, в котором следователь установил, что Егор Шевцов был в банде семь месяцев. Причем нашлись свидетели, которые подтвердили, что он несколько раз участвовал в боях. Но так как никто не мог свидетельствовать, убивал ли Егор красноармейцев, то расстрела он избежал. Постановлением Ревкома Егору Шевцову присудили пять лет заключения и отправили с этапом в далекую Томскую губернию валить лес.

Не отпустили и Дарью с детьми. Полномочная комиссия ВЦИК в Тамбове издала секретный приказ о высылке семей злостных бандитов за пределы Тамбовской губернии. Тысячи людей под конвоем должны были покинуть родные места и отправиться в пугающую безвестность. Малые дети расплачивались за грехи родителей.

Пока начальники ждали эшелоны для отправки заложников, наступил октябрь, а с ним пришли ранние холода. Разождилось, дул пронизывающий до костей ветер. В неотопливаемых палатках было холодно, и люди кутались в лохмотья, прижимались друг к другу, пытаясь согреться. Начали болеть дети. Пятилетний Мишка Шевцов слег, заболел скарлатиной. Мать с Игнатом по очереди дежурили у его лежанки, прикладывая на горячий лоб ребенка тряпку, смоченную в холодной воде. Метался Мишка в жару по куче тряпья, а Дарья в бессилии заламывала руки и шептала молитву сухими потрескавшимися губами.

— Господи, спаси маленькую жизнь. Возьми мою! Не забирай его, господи! — стонала она над сыном.

Рядом жались испуганные ребятишки, кашляли, шмыгали сопливymi носами. В палатке жили еще несколько семей, но они ничем не могли помочь Дарье. У самих сплошное горе. Лекарств в лагере не было, а на все просьбы о помощи охрана отвечала, что нет инструкций и без приказа нельзя. Говорили, что вызвали доктора, но у него в Инжавино и своих дел полно.

Помучившись трое суток, Мишка тихо умер дождливой ночью. В беспомощности сжал худыми пальцами Дарьину руку, потом потянулся. Лицо его просветлело и застыло. Дарья заревела в голос, обнимая маленькое легкое тельце сына. Следом заревел Игнат и другие дети, проснувшись от крика.

— Мапочка, Миша спит? Ему лучше? — тоненьким голоском спросила маленькая Анечка, которая плакала от того, что плачут все вокруг.

— Ему уже лучше, — сказала немолодая женщина, заложница из их села, и, погладив девочку по голове, размашисто перекрестилась. — Спаси, господи, душу усопшего раба твоего Михаила.

Дарью даже не отпустили из лагеря похоронить ребенка. Следующим днем из ее цепких рук, прижимавших бездыханное тельце к груди, выхватил охранник сына, а женщину оттолкнул к палатке. Дарья без чувств упала на руки поддерживавших ее баб, а Игнат через колючую проволоку видел, как охранник положил тело брата на повозку и направил лошадь в сторону кладбища. Что кладбище именно в той стороне Игнат уже знал, потому что это был не первый случай смерти в лагере.

Лишь в начале ноября партию узников перевезли в Кирсанов на железнодорожную станцию, посадили в товарные вагоны и отправили в Архангельскую губернию. Накануне из села узникам передали старенькие пальтишки и платки, иначе бы они все застыли в пути. Вот так и пришлось Дарье с тремя детьми мыкать горе в чужом краю. Две недели добирались они до места назначения. Поезд подолгу стоял на каких-то станциях, пропуская более важные составы. Голод, холод, грязь, вши — все это выпало на долю несчастных детей.

На каком-то полустанке со старыми дощатыми зданиями поезд остановился и заложникам приказали выгружаться. Оказалось, что это конечный пункт их назначения. Охранники кое-как построили разношерстную толпу и колонной повели к баракам, чернеющим вдали на ослепительно белом снегу. В этих бараках, прежде бывших купеческими складами, перед приездом узников наспех сложили печи, что давало надежду не умереть хотя бы от холода. А дров в округе хватало — леса кругом на сотни верст.

Каждый день группы узников выводили на заготовку дров. Дрова они готовили только для себя, лесоповала здесь не было. Да и кому валить лес — детям и старикам? Собирали сучья, чтобы протопить бараки, в которых из-за щелей тепло не задерживалось надолго. Работы для заложников не было, и весь день они были предоставлены сами себе. Кормили их плохо, но — кормили! То мерзлой картошкой, имевшей от этого сладковатый вкус, то какой-то странной серой массой из отрубей. Хлеб давали тяжелый, горький, с привкусом плесени. И по-прежнему было плохо с медициной. Из соседнего поселка раз в две недели на чухлой лошадке приезжал врач, который мало чем мог помочь заболевшим из-за отсутствия лекарств.

Как-то в лагере произошел страшный случай. Из поселка к ним иногда приходили сердобольные старушки и через колючку бросали еду узникам. Охрана им обычно не мешала, лишь строго следила за порядком. В этот раз брошенная краюха хлеба упала между рядами проволоки. Игнат видел, как один голодный старик метнулся к проволоке и стал руками лихорадочно отгибать ее, пытаясь дотянуться до хлеба. Раздался сухой звук выстрела и старик замер, уткнувшись лицом в колючку. По щеке его, наколотой проволокой, потекли струйки крови. Часовой убил старика как при попытке к бегству. С того момента старушки к лагерю больше не приходили.

В конце зимы, а шел уже одна тысяча девятьсот двадцать второй год, в семье Шевцовых случилось еще одно несчастье — умерла младшая, Анечка. Болезнь у нее была непонятная, даже доктор не смог распознать. Говорил только, что в городах надо помощь искать. Да кто же туда отпустит?

У Анечки держалась высокая температура, она слабела с каждым днем, плохо ела, потом и вовсе слегла.

Однажды она тихим голосом спросила у матери:

— Мама, я скоро уйду к Мише?

— Ну что ты, дочка! Ты обязательно поправишься, — Дарья смахнула набежавшие слезы и поправила на Ане лоскутное одеялко. — Все хорошо будет, деточка.

— Мне не страшно, мама. Ты не плачь, — как-то по-взрослому сказала девочка.

— Я не плачу, дочка, не плачу, — мать пыталась сдержать подступающие рыдания.

— Мама, а там тепло? — прошептала девочка. — Я не хочу больше мерзнуть.

— Тепло, милая. Ты поспи.

Девочка слабо улыбнулась и закрыла глаза. Уснула. А к вечеру Аня умерла. Похоронили ее недалеко от колючей проволоки, где над холмиками возвышался уже целый ряд деревянных крестов. Это было лагерное кладбище, которое с каждым месяцем разрасталось.

Теперь у Дарьи осталось двое сыновей: Игнат и Семен. Эти старшие легче переносили невзгоды и росли наперекор всем напастям. Без малого два года пробыла Дарья с сыновьями в этом лагере. Пытались заложники облегчить свою участь, писали в Москву товарищу Калининку слезные письма, в которых подробно обрисовывали свое бедственное положение. Может, и это помогло. Может, и прочел их в Москве кто-то неравнодушный и сжалился. Осенью тысяча девятьсот двадцать третьего года пришло известие, радостнее которого в лагере не было никогда. Комендант зачитал телеграмму, отпускавшую их всех на свободу. Домой! Домой!! Домой!!!

Наконец-то они увидят свои села и избы, родные поля и речки, родную землю!

Дарья и ее повзрослевшие сыновья простились с могилкой Анечки и отправились на Тамбовщину с надеждой и тревогой в сердцах. Как-то встретит их родное село? Примет ли изгнанников?

Сойдя с поезда в уездном Кирсанове, скитальцы пешком отправились домой. Далеконько до него без транспорта, да только куда деваться? Хорошо хоть — не зима, а лишь начало октября, бабье лето. Грустное зрелище представляли женщина и двое детей, бредущие в лохмотьях по пыльной дороге. За спиной у каждого небольшой узелок с тряпьем, а поест и нет вовсе. Последние кусочки, выданные лагерным начальством на дорогу, давно съедены. На обочине мальчишки нашли дикую яблоньку и нарвали мелких яблок. Эти кислые яблочки были им сейчас самым вкусным лакомством.

— Ничего, придем домой — поедим, — подбадривала их мать, не зная, где же она возьмет в селе чего-нибудь съестного. Вся надежда была на брата мужа, Петра. Он сочувствовал Советской власти, и его эта власть не тронула. Петр в банде не был, а в продразверстку помогал сельсоветчикам возить хлеб на ссыпные пункты.

Однако в деревне Дарью ждало разочарование. В доме их проживала неизвестная семья. Сказали, что волсовет выделил им этот дом после того, как прежние жильцы были выселены. Пришлось Шевцовым идти на поклон к брату мужа.

Родственник их в свой дом не пустил, встретил на пороге. Он с недобрым видом смотрел на настороженных пришельцев, переминавшихся в нерешительности у крыльца.

— Вернулись, значит? — почесывая бороду, произнес Петр, возвышавшийся над растерявшимися странниками. — А зачем вернулись?

— Так ведь дом наш здесь, Петр Васильевич, — уважительно ответила Дарья. — Земля наша.

— Земля? Нет у вас никакой земли. Забрали все. И дом ваш отдали семье красноармейца. Напрасно вы вернулись, Дарья.

— Как же так, Петр? Куда же нам идти? — оторопела Дарья от такого поворота событий.

— Не знаю, куда. Егор, поди, сгинул давно. Идите назад, в город. — Петр махнул в сторону рукой и собрался уйти в избу.

У братьев никогда не было дружбы, а война и вовсе забила между ними клин. Нет, не пошел брат на брата. Они просто разошлись в разные стороны. Навсегда. Как говаривал Петр: «Своя рубашка ближе к телу».

— Постой, Петр Васильевич, — взмолилась Дарья. Гордость — гордостью, а ведь детей кормить надо. Стала просить. — Приюти хотя бы на ночь. Не чужие ведь.

— Пойдем, мама. Не надо нам! — потянул ее за руку Игнат. — Обойдемся.

— Иди, Дарья. Я врагам народа не подаю, — сквозь зубы бросил Петр и зашел в избу, громко хлопнув дверью.

Дарья развернулась и медленно побрела по улице. За ней последовали сыновья. Изредка им встречались односельчане, коротко здоровались и внимательно смотрели вслед. Дарья не останавливалась. На душе было пусто и холодно.

— Глянь, Дашка вернулась. А мальцов-то только двое. Куда еще двоих дела? — доносилось до нее из-за плетней.

— Игнат, Игнат! — вдруг донесся до ее слуха звонкий девичий голос. Это из-за дома напротив выбежала Марья. — Ой, здравствуйте, тетя Даша! Здравствуй, Сеня!

Марья остановилась, разглядывая Дарью и ребят, переминалась с ноги на ногу. За то время, что они не виделись, девочка подросла, вытянулась. А глазки все такие же озорные, веселые. Одета Маша была в серое платье и вязаную черную кофточку. На ногах стоптанные, но еще вполне целые ботиночки. Голову девочки покрывал платочек в мелкий горошек, из-под которого на спину спадала русая коса.

— Здравствуй, — с интересом поглядел на нее Игнат так, что девочка засмушалась.

— Вы вернулись? — невпопад спросила Маша.

— Вернулись, — эхом ответила Дарья и качнула головой.

Плачевный вид Шевцовых озадачил девочку. Они не первыми возвращались в село после долгих скитаний. У каждой семьи было свое горе, свои беды и страдания. Но все приезжали с надеждой в глазах, с большим желанием жить. Такова природа человеческая — жить наперекор всему, бороться из последних сил, падать и вставать.

— Почему вы такие грустные, Игнат? — спросила мальчика Маша.

— Дядька Петька нас не пустил, — вместо Игната выпалил нетерпеливый Сенька.

Он уже изрядно устал и готов был присесть хотя бы под забором, чтобы отдохнули его гудящие ножки.

— И куда же вы теперь?

— Не знаю, — протяжно ответил Игнат, тоскливо поглядывая по сторонам.

Вот оно — родное село, куда они стремились целых два года. Наконец-то, добрались, пришли, а приютиться им негде. После отказа дядьки стучаться в другие дома не хотелось.

— Пойдемте к нам, — девочка решительно взяла Семена за руку и потянула за собой. Тот не вырывался, почуввав близко загрезивший отдых.

— Ну что ты, Маша, — закачала головой Дарья. — Нельзя так. Ты и взрослых не спросила. Мы лучше пойдем.

— Нет, тетя Даша, мама вас примет. Я знаю. Поесть вам надо, отдохнуть, — затараторила девочка. — Пойдемте, пойдемте.

А у Дарьи и сил-то не было уже, чтобы возражать. Дальняя дорога и неожиданный отказ Петра подкосили ее.

— Что ж, пойдем, — согласилась женщина на радость уставшим сыновьям. — Спасибо. Хорошая ты.

Они неторопливо зашагали к небольшому дому на другой конец деревни, где проживала Мария с матерью. Брат Маши второй год уже учился в городе и в Осиновку приезжал редко. Наталья, мать девочки, маленькая худощавая женщина, несмотря на трагическую смерть мужа и последующие лишения, не потеряла веру в людей. Она всегда говорила детям, что если каждый человек будет чуточку добрее и поможет ближнему своему, то на свете исчезнут все несчастья. Вот и Дарью с детьми она приняла без лишних разговоров.

— Оставайтесь, — просто сказала она Дарье, когда та поведала ей все свои злоключения. — Как-нибудь проживем. Места всем хватит.

Так и получилось, что семья осужденного бандита стала жить в семье коммуниста, убитого бандитами. Тяжело им жилось, двум женщинам с тремя детьми. Благо, что в волсовете без лишних слов выделяли лошадь, чтобы дрова из леса привезти или сено с лугов. Да выручал свой сад с обилием родившихся в нем яблок, малины и смородины. Три года так прожили. Незаметно подрастали дети. Они не делились на чужих и своих. Каждому было еды поровну, каждый работал в меру своих детских сил, помогал матерям.

А весной двадцать седьмого года вернулся Егор. Как-то вечером раздался стук в оконную раму дома Распоповых. Дарья выглянула в окно и обомлела: на улице стоял и широко улыбался ее муж, которого она так ждала все эти годы. Худой, небритый, с ввалившимися щеками и совершенно седой головой, но живой, целехонький и такой родной. Радость пришла к Дарье.

Ах, как обрадовались Игнат и Семен, не отходившие от отца весь вечер. И за мамку радовались, видя ее счастливые глаза.

Неудобно стало таким большим семейством жить в чужом доме и смущать Наталью своим счастьем. Через несколько дней Шевцовы переехали в заброшенную баню, которую им выделил волсовет. Дарья сердечно поблагодарила Машину мать за всю доброту, а Егор сказал ей, чтобы обращалась в любое время, если будет нужна помощь.

— Ты семью мою спасла, Наталья. Век этого не забуду. Теперь вы для меня ближе всякой родни. Я в лагере ведь только одного боялся: что своих не найду.

— Везде есть люди, Егор. Теперь у вас все будет хорошо, — с оптимизмом ответила женщина.

В это время за углом дома Игнат прощался с Машей. И вот ведь не в город уезжал, а всего лишь на другую улицу, а расставаться не хотелось. Со стороны посмотреть — красивую картину составляли эти двое молодых людей. Игнат статью пошел в отца и в свои шестнадцать лет был высоким крепким юношей с приятными чертами лица. Даже шрам на правой щеке, оставшийся от удара кнута, не портил его, а придавал мужественности. Большеглазая Маша слыла первой красавицей среди девчонок. Сельские ребята засматривались на нее, уделяли внимание. Однако с ней часто бывал Игнат, которого на селе в шутку звали женихом.

— Пусть зовут, — говорил Игнат Маше. — Я за тебя любому по шеям надаю.

— Не надо, Гнатка. Ишь, суровый какой! — смеялась девушка. — Тебе так не идет.

А вот сегодня и она была серьезна. Закончился важный и такой дорогой им период жизни, и от этого было немного печально на душе.

— Ладно, пойду я, — хриплым голосом произнес Игнат, не зная, как выразить словами свои чувства. — Отцу помочь надо.

Сам же все стоял, словно примагниченный, не хотел уходить от Марии.

— Иди, иди, — смеясь, легонько подтолкнула его девушка. — Завтра увидимся.

— Точно! — просветлел лицом Игнат. — Ты к вечеру приходи под нашу иву. Я буду ждать.

Подлатав немного баню, Егор пошел работать скотником в местный совхоз. Хоть и бывший бандит, а руки рабочие в совхозе нужны. Работником Егор был дельным. Не пил, за скотину переживал. Бывало, домой не уйдет, пока всех коров не накормит и не напоит. В грозу бежал в коровник, чтобы успеть вывести живность, если молния вдруг ударит в здание. Пусть не своя скотина — совхозная, а все равно жалко.

Только сколько ни работай, а клеймо «бандит» разве смоешь? Пытался Егор построить себе новый дом, ходил в сельсовет за разрешением в двадцать девятом году, но там ему прямо сказали: «Бывшим бандитам не можем помочь. У нас еще не все честные труженики в нормальных избах живут».

А он разве не честный? От зари до зари, изо дня в день, не разгибая спины, за трудодни пашет. На тот трудодень зерна горстка полагается. С обидой ушел Егор из сельсовета и зарекся туда ходить впредь.

— На себя надо надеяться, Даша. Больше не на кого, — сказал он дома жене. — Власть былого не прощает.

Дело в том, что в то время все бывшие осужденные имели статус лишенца, то есть были лишены избирательных прав. Им отказывали в различной помощи, а дети их не могли поступать на учебу в высшие заведения страны. Поэтому младший сын Шевцовых, Семен, двумя годами позже вынужден был уехать в Воронеж, где устроился учеником слесаря на завод. По крайней мере, там уже никто не тыкал в него пальцем и не называл вражиной. Игнат остался в селе с родителями. Не хотел он искать счастье на стороне, знал, что оно здесь, рядом.

В начале тридцатых Шевцовы все же перебрались из проклятой бани в нормальный дом. Пусть старенький, неказистый, но все же — дом! Скопил Егор денежку. Недодал, отказывал себе во многом, но к мечте своей шел твердо. Егор с Игнатом подлатали крышу, проконопатили бревна, починили пороги и двери.

— Ну, мать, теперь поживем хоть как люди, — довольным голосом сказал Егор жене после новоселья. — Я и жеребенка в Курдюках присмотрел. Резвый такой. Не пропадем!

И правда, жизнь вроде бы стала налаживаться. Вскорости Игнат, который теперь работал плотником в совхозе, привел в дом молодую жену. Ее и знакомить с родителями не надо было. Та самая Маша. Машутка, как ласково называл ее Игнат. Статная, красивая, она и на все руки была мастерица: и платье какое пошить, и корову подоить, а уж кушанья готовить — талант просто. Егор с Дарьей лучшей снохи и пожелать не могли.

Пусть скромную, но свадебку все же сыграли. Кое-кто из родственников пришел, да друзья-подружки молодых. Звал Егор брата своего, Петра. Не хотел он помнить зла, да Петр был иного мнения. Не пришел.

Зато другой гость пожаловал, незванный, — парторг местной организации. Это был тот самый комиссар Андреев, что когда-то судил Егора и выселял его семью. Вот уже десять лет прошло, а Андреев все будто воевал с бандитами, не мог никак успокоиться. Дай ему волю, он бы их всех перестрелял как врагов Советской власти. Ненавидел он их люто за то, что в двадцатом году убили его жену. Но в данное время коммунистическая партия не позволяла открытых расправ, и Андреев ждал.

Дело было уже после полудня, когда молодые и гости усаживались за праздничный стол. Комиссар в новенькой гимнастерке и кожаных сапогах лихо остановил коня возле калитки двора Шевцовых. Стоявший в это время на крыльце Егор увидел парторга и поспешил ему навстречу.

— Что, Егор, праздник у тебя? — ехидно спросил Андреев, не слезая с коня.

— Сына женю! — гордо ответил Егор.

— Ну-ну... А что же власть не позвал?

— Дак бедные мы, всех не позовешь, — хоть и не ожидал Егор такого вопроса, но нашелся с ответом.

— Ладно, бандитская морда, гуляй пока, — выругался Андреев. — Советская власть все помнит.

Комиссар огрел коня плеткой и галопом рванул вдоль улицы, распугивая собак и кур.

— Чего он приезжал-то? — с беспокойством спросила мужа Дарья, когда Егор зашел в избу.

— Ничего. Так. Налог нам новый пришел, — не сказал Егор правду. Берег он жену от лишних волнений.

Хорошо зажили молодые после свадьбы. А вскоре и первенец у них появился — забавный глазастенький мальчик.

— На Машу похож, — любовался сынишкой Игнат.

— Нет, на маму больше, — так Маша называла теперь Дарью, которой это было очень приятно.

Меж тем один год сменялся другим, и наступил страшный тридцать седьмой. В соседних селах происходили аресты мужиков. Брали бывших бандитов и единоличников, не вступивших в колхозы.

Еще один черный день врезался в память Игната. День, когда арестовали его отца. С утра Игнат был на строительстве нового телятника, поднимали стропила для крыши. Бригада у них была молодая, спорая, работали все с задором. Веселый стук топоров и сама очередная стройка вселяли в сердца людей оптимизм на будущую жизнь. Значит, прибавятся рабочие места, будет мясо и молоко, будут накормлены дети, а главное — будет развиваться и хорошеть их родное село.

Игнат с крыши приметил спешащую на стройку Марью и, ловко спрыгнув на землю, пошел ей навстречу. Вид у Марьи был взволнованный и даже напуганный. Она тяжело дышала, запыхавшись от быстрой ходьбы.

— Случилось что? — озабоченность Марьи передалась Игнату.

— Случилось, Игнат, — сказала Марья, переведа дух. — Ты только не горячись.

— Да говори ты! — нетерпеливо повелел Игнат.

— Отца забрали, — глядя мужу в глаза и придерживая его за рукав рубахи, произнесла Марья.

— Как? — опешил Игнат. — Кто забрал? За что?

— Из НКВД инжавинской приезжали. Только ты на работу ушел. Обыск был, а потом на телегу посадили и увезли. Сказали, в Тамбов.

— Так за что? — хриплым голосом вновь спросил посеревший Игнат.

— Не знаю. Враг, говорят, и бандит. С ними Андреев был. Он должен знать.

— А-а, Андреев, — нарастяг произнес Игнат фамилию семейного не друга. — Щас я у него и узнаю.

Игнат направился было в сторону деревни, но остановился, услышав зычный окрик дружка Сашки, слышавшего их разговор.

— Топор положи, дурак, — крикнул ему Сашка. — Беды наделаешь.

— Ой, правда, Игнат! — обмерла Марья.

Игнат со всего размаху в сердцах вонзил топор в лежавшее рядом бревно и быстрыми шагами направился в село. Марья поспешила за ним, боясь, как бы в горячке Игнат не натворил глупостей. Тот напрямик направился к большому дому, конфискованному у кулака и ныне являвшемуся сельским советом.

— Здесь подожди, — резко скомандовал Игнат жене и решительно переступил порог просторной комнаты. Марья осталась за дверью, не зная, что же ей делать.

В беленой комнате за деревянным столом все в той же постаревшей солдатской гимнастерке сидел Андреев и что-то писал. Завидев разгневанного Игната, он отложил карандаш и приподнялся над столом.

— Что тебе надо? — неприветливо спросил парторг, нахмутив лоб.

— Ты за что отца арестовал? — Игнат приблизился к Андрееву так, что их, смотревших друг на друга с неприкрытой злобой, разделял только стол.

— Не я арестовал, НКВД, — ответил парторг, нисколько не опасаясь злости Игната. — Потому он есть враг для народа.

— Да это ты — враг! — поднял чуть выше голос Игнат. — Невинных людей гноишь. Замордовал уже честных крестьян.

Из коридора на громкий голос мужа вбежала в кабинет Марья, схватила его за руку и потянула к двери.

— Не надо, Игнат. Пойдем. Не надо, — настойчиво повторяла Марья, пытаясь образумить мужа.

— Правильно! Иди отсюда, пока сам не загремел в кутузку, — с презрением в голосе скомандовал Андреев.

Игнат ушел. Хватило ума не броситься на обидчика, не наговорить лишних слов. В то лихое время за слова расстреливали тех, кто критиковал власть и коммунистическую партию. Расстреливали за нелепые частушки, за анекдоты и за случайную порчу портретов вождя. А если человек имел дворянские корни или участвовал в борьбе против Советской власти, то ему был прямой путь в лагерь. Власть, помиловав этих бандитов в двадцать первом году, теперь решила избавиться от них насовсем.

Ездил потом Игнат в Тамбов, пытался навести справки про отца. Вышел однажды к нему следователь и ровным тихим голосом оповестил, что отец его обвинен в антисоветской агитации и как участник антоновской банды приговорен к расстрелу.

— Вы, голубчик, больше сюда не ходите, — глядя на Игната сквозь очки холодными цепкими глазами, произнес чекист. — О себе подумайте.

Будто пришибленный, покинул Игнат серое мрачное здание. Когда расстреляли отца и где его похоронили, он так и не узнал. Вопиющая несправедливость разрывала сердце, но сделать что-либо было невозможно. Эта беспомощность убивала больше всего. Ходи и молчи. А если что скажешь на людях, то пиши пропало. Загремишь в застенки, и никто тебя не спасет. Наоборот, найдутся такие, кто за свою шкуру и лишний кусок благополучия втопчут в грязь без зазрения совести.

И опять пошла у Игната черная полоса. Вслед за арестом и смертью отца слегла мать с сердечным приступом, не выдержала очередного горя. Тяжелые годы лагерной жизни сильно подорвали ее здоровье. Проболела Дарья всего две недели и умерла.

— Ты, сынок, не лезь на рожон. Не надо, — перед смертью прошептала она Игнату. — Отца уже не вернешь, а вам жить. Детей береги.

— Хорошо, мама, — сдерживая набегавшие слезы, ответил ей тогда сын.

Похоронив мать, Игнат не захотел оставаться в селе. Слишком все здесь напоминало об утратах. Да и многие из бывших товарищей стали сторониться его, боялись, как бы эта дружба не вышла им боком. Не стали удерживать его и в совхозе, выдали положенные документы. Андреев тогда сказал, что без него в селе чище будет.

— Куда же мы теперь? — недоумевала Марья, которая старалась по соседям пристроить скотину. Наспех за нее много денег не выручишь, но хоть какой-то капитал у семьи будет для обустройства в чужом краю.

— Не пропадем, Маша. Не бойся, — приобнял жену Игнат за плечи большими сильными руками. — В Астрахань поедем. Там один знакомый в рыбной артели на Волге работает. Проживем.

— Да я и не боюсь, — чуть успокоилась Марья в нежных руках мужа. — За детей сердце болит.

Два пацана тихо сидели за столом и смотрели на родителей. Одного звали Егором, в честь деда, а младшего Игнат назвал Александром. Может, и потому назвал, что отец его за Александра Антонова воевал, которого уже после подавления восстания в двадцать втором году красные нашли и убили. Ребята, заслушав про скорый отъезд, были довольны. Никогда не виденная большая река и таинственное Каспийское море манили и будоражили их умы.

— Ничего, — кивнул в их сторону головой Игнат. — Там тепло. Им понравится. Надо надеяться на новую жизнь.

Мать Маши не захотела с ними ехать. Сказала, что на своей земле умирать спокойнее. Попрощавшись с ней, Шевцовы отправились в дальний путь в чужие края.

Дружок Сашка повез Игната с семейством на телеге до Тамбова. С большого холма открывался красивый вид на их село. Игнат попросил Сашку остановить лошадь и спрыгнул на землю. Он немного отошел от телеги, присел на колени и замер, пристально вглядываясь вдаль, словно старался всегда запомнить драгоценную Осиновку, лежащую в туманном молочном мареве, разрезаемом первыми лучами восходящего солнца. Потом Игнат опустил лицо в траву и поцеловал родную землю, прощаясь с ней. Грусть и печаль, тревога и боль — все сразу застыло в его глазах. Не по своей воле покидал он родную сторонку.

— Будто навсегда уезжаешь, — сказал ему Сашка. — Вернешься ведь еще. Порыбачим с тобой бреденьком, как в лучшие годы.

— Нет, Лександ, — ответил Игнат, очнувшись от своих дум. — Раз

пуговицу отрезал, назад не шпить. Найду место, где старое ворошить не будут.

Из Тамбова Шевцовы отправились поездом в незнакомую далекую Астрахань.

На новом месте у них сложилось все как нельзя хорошо. И товарищ Игната отыскался, и с работой помог. Стал Игнат рыбаком, выходил на баркасе на промысел. От артели его семейству выделили в общежитии комнату. Марья, когда детей удалось пристроить в детский сад, пошла в цех рабочей по разделке рыбы. Хоть и тяжелая работа, но платили за нее достойно. Потихоньку жизнь налаживалась снова, но иногда Игната так тянуло в родные места, хоть волком вой. Вспоминая тамбовские леса и поля, он грустнел, замыкался и старался заняться любой работой. В такие часы Марья его не тревожила, понимая состояние мужа.

— Ничего, Машутка, — прижимал ночью Игнат к себе жену. — Привыкнем. Зато детей по глазам никто стегать не будет.

Время неумолимо делает свое дело. Проходит боль, заживают раны. Куда-то далеко-далеко в сердце спрятал Игнат свою тоску, стараясь радоваться бурлящей вокруг жизни. Но страшная война нарушила все планы. Ни минуты не раздумывал Игнат, узнав про обрушившуюся на страну беду.

— Мой долг, Маша, Родину защищать, — решительно сказал он жене. — Негоже мне тут от врага хорониться.

Простившись с плачущей Марьей и детьми, которые были горды за папку, уходящего бить незнакомого врага, Игнат явился в военкомат. Оттуда его направили в наспех формировавшуюся пехотную дивизию.

Каково же было изумление Игната, когда в батальонном комиссаре он узнал того самого Андреева из родного села, которого партия бросала в очередной прорыв, как и тысячи его соратников. Судьба еще раз преподнесла Игнату сюрприз. И сразу откуда-то из глубин вернулась тщательно запрятанная боль. Андреев тоже его угадал и как-то на привале отозвал в сторонку.

— Здорово, Игнат, — сказал комиссар, не подавая руки. — Ты как попал сюда?

— Из Астрахани, — ответил Игнат, всматриваясь в постаревшее недружелюбное лицо комиссара. — Добровольно пошел.

— Ну-ну. Ты смотри, к фрицам не переметнись, доброволец. Я за тобой приглядывать буду.

— Гляди. Твоя воля. Только я родину не меняю. Одна она у меня, — твердо и веско произнес Игнат.

— Отец твой — враг. И ты недалеко от него ушел, — не унимался Андреев, явно пытаясь задеть Игната. — От вас всего ожидать надо.

— Ты моего отца не трожь! — повысил голос Игнат, сжав кулаки. — Я тебе его смерть никогда не прощу.

Заметив, что в их сторону оборачиваются солдаты, Игнат сдержал себя и, сплывнув на землю, отвернулся от комиссара и пошел к товарищам.

— Ничего, вражина. И до тебя доберусь, — процедил ему в спину Андреев.

Однако добраться ему не пришлось. Рано утром по приказу их батальон бросили без подготовки в атаку на наступающего противника. Море огня, лязг металла, клубы дыма, пыль, копоть, гарь, взрывы снарядов — трудно описать весь тот ад начавшегося боя. До трех раз Андреев, заменивший командира, убитого в начале боя осколком снаряда, поднимал

залегший под шквалом огня батальон в атаку. И три раза после короткого броска бойцы падали на землю, пытаясь укрыться за бугорками от немецких пуль. Игнат уже охрип от криков «ура», а неподатливый язык еле ворочался в пересохшем рту. Видя, сколько уже товарищей убито, он понимал, что атака их бесполезна, что в лоб хорошо вооруженного сильного врага они не возьмут и только полягут здесь напрасно. Но Андреев все гнал и гнал солдат вперед, и это вызывало у Игната злость. Вот он, момент, когда можно отомстить за отца.

— Ах ты, гад! — глядя в спину залегшего метрах в ста впереди Андреева, прохрипел он. — Никого тебе не жаль. Сейчас я тебя!..

Игнат прицелился из винтовки в махавшего рукой и что-то кричавшего комиссара и ждал, чтобы тот повернулся к нему лицом. Если выстрелить в спину, то потом догадаются, что свои убили. Андреев повернулся не сразу, и эти секунды спасли ему жизнь.

— Не надо, сынок. Не надо! — Игнат вдруг отчетливо услышал голос умирающей матери.

Игнат выстрелил. Но выстрелил над головой комиссара, который не мог и подумать, насколько был близок к смерти. Это Дарья спасла не только Андреева, но и своего сына. Шевцов грязно выругался и остервенело бросился в очередную атаку вслед за Андреевым. В горячке боя Игнат увидел, как, будто наткнувшись на препятствие, остановился, а затем упал комиссар. Он бросился к нему. Комиссар был жив, тяжело дышал и держался за окровавленный бок.

— Не бросай, Игнат, — с надеждой посмотрел на бойца Андреев.

Игнат молча взвалил на спину легкое тело комиссара и медленно пополз назад к своим. Когда он в овражке передавал санинструктору раненого, тот был в сознании.

— Спасибо, Игнат, — поблагодарил его Андреев.

— Да пошел ты! — закричал на него Игнат. Потом чуть тише добавил: — Живи.

Шевцов отправился в свой изрядно поредевший батальон, который в этот раз так и не взял проклятую высоту. И странно, но на душе Игната наступило успокоение. Хорошо, что не взял он грех на душу. Чиста его совесть перед людьми. Есть общий жестокий враг — фашисты. И все желания и помыслы должны быть подчинены борьбе с этим врагом. А прошлое должно отступить, ведь вся эта война — ради будущего. Надо идти вперед до полной победы.

Игнат дошел, несмотря на два ранения и контузию. Он встретил конец войны в Кенигсберге, в госпитале. Задело во время штурма его правую руку. Да так, что врачам пришлось изрядно похлопотать, чтобы эту руку сохранить.

Подлечившись, Игнат в июне сорок пятого года вернулся домой в Астрахань. Медали и ордена, сверкавшие на его гимнастерке, красноречиво говорили о лихом боевом пути лейтенанта Шевцова. За годы войны его сыновья подросли: Егору пятнадцать исполнилось, а Саньке четырнадцать. Серьезными пацанами выросли, ведь война им тоже доставила хлопот. Довелось им поработать на рыбном заводе вместе с матерью, заготавливали для фронта рыбу. Маша чуть потемнела за годы войны, морщинок на ее лице прибавилось, но взгляд был такой же приветливый и добрый, каким хранил его в сердце Игнат все эти годы. Счастье пришло в дом Шевцовых.

Игнат устроился бригадиром на завод, потому что рыбачить не позволяли раны. Трудно было жить после войны, но согревала мысль, что ис-

питания теперь позади, а впереди ждет светлая мирная жизнь. Страна восстанавливалась, двигалась намеченным курсом, залечивая шрамы войны. Возводились заводы и фабрики, появлялись новые школы и кинотеатры, люди справляли новоселье в современных домах. Радовался Игнат этой новизне, только одна мысль нет-нет да и нарушала его покой.

— Надо бы нам на родину съездить, — не выдержав, однажды сказал он жене. — Хочу могилки родные повидать.

— Ой! — обрадовалась Марья, которая и сама давно мечтала побывать в милых сердцу краях. — Я давно тебе об этом хотела сказать.

— Вот и давай летом на недельку махнем. Ребятам Тамбовщину нашу покажем.

— Да, хорошо там, — мечтательно вздохнула Марья. — Мне снятся иногда наши луга и речка. Проснусь — и так странно, будто наяву по траве бегала.

— Вот и побегаем, как в детстве — довольно улыбнулся Игнат. Хорошо все-таки, что Маша чувствует и понимает его желания.

На следующий год Игнат исполнил свою мечту и с семьей приехал в родное село. По дороге от Тамбова он жадно оглядывал знакомые места, показывал сыновьям памятные озера и рощицы.

Мать Маши жила у старшего сына в Саратове, поэтому в Осиновке Шевцовых никто не ждал. Игнат в селе нашел друга своей молодости Сашку, который тоже целехоньким вернулся с войны. Они долго сидели в горнице за столом, вспоминали ушедшие годы и товарищей, из которых многих уже не было в живых. С той страшной войны не вернулся и последний брат Игната — Семен.

— Надолго к нам? — спросил друга Александр.

— Послезавтра уже назад надо. Еле выпросил неделю у начальства, — ответил Игнат, с удовольствием поедая картошку с молоком.

— Ты по делам, что ли, приехал?

— Нет, Лександр. Приехал я показать своим пацанам, где их корни, где могилы их предков. Малые они отсюда уезжали, не понимали ничего. А теперь должны знать и помнить.

— Правильному делу ты их учишь, Игнат. Людьями вырастут.

— Ладно, пойдем мы на кладбище сходим, пока темнеть не начало, — засобирался Игнат и окликнул сыновей.

Но прежде Шевцовы направились на сельскую площадь к гордо стоявшему обелиску с красной звездой на его вершине. Поклонились они Семену Распопову и другим землякам, погибшим с верой в светлые идеалы. Всплакнула Марья по отцу своему, погибшему от рук злых людей. Помолчали сыновья, по рассказам родителей знавшие о трагической гибели деда.

— Прости нас, дядя Семен, — грустно извинился за что-то Игнат. — Не удалось тебе подольше пожить. Но мы тебя всегда помним.

Неспешным шагом Игнат, Марья и сыновья направились на кладбище, которое располагалось на холме на окраине села. Пройдя несколько сотен метров по пыльной дороге мимо домов бывших односельчан и по пути чинно здороваясь со встречными, Шевцовы остановились перед калиткой кладбищенской ограды. Отсюда открывался изумительный вид на село, дома которого тесно прижимались к небольшой петляющей речушке с поросшими ветлами берегами.

— Вот, ребята, посмотрите туда, — махнул Игнат рукой в сторону села. — Там суета, там жизнь.

Егор и Сашка внимательно и долго посмотрели на село. В это время в лучах опускавшегося солнца пастух гнал домой по длинной улице мычащее стадо коров, поднимающих за собою пыль.

— А теперь гляньте сюда, — показал Игнат на ряды могил с крестами и памятниками. — Что вы видите?

— Могилки видим, кресты, — нерешительно отозвались дети, не понимая, чего хочет от них отец.

— Подумайте, — ласково глядя на сыновей, произнесла Марья. — Это и так понятно.

Пацаны замолчали, поглядывая друг на друга и боясь сказать что-нибудь невпопад.

— Тут нет суеты. Тут тишина, — не стал долго томить их отец. — И тут покоится память, которая должна жить и в ваших сердцах.

Шевцовы прошли к могиле матери Игната. Могильный холмик густо порос земляникой, ягоды которой краснели среди листвы. На довольно еще крепком дубовом кресте была прибита табличка с датами жизни и смерти покойной. Игнат нагнулся, выдернул из земли несколько кустов молодого чертополоха, потом выбросил его за ограду.

— Вот здесь, ребята, лежит ваша бабушка. Она прожила трудную жизнь. Деда вашего арестовали в двадцать первом году. Он не был бандитом, он защищал свое добро от произвола. Он защищал нас, своих детей, от голода.

— Может, не надо, Игнат, — осторожно спросила Мария, опасаясь, как бы еще совсем юные ребята не сболтнули где лишнего.

Хоть не тридцать седьмой год на дворе, но страх прочно жил в сердцах людей. О некоторых вещах даже близким старались не говорить. Как говорят в народе — не буди лихо, пока оно тихо.

— Нет, надо, Маша! — твердо ответил ей Игнат. — Они уже не дети. Это им надо, чтобы росли честными людьми.

— Да, отец, говори, — попросил старший сын.

— Так вот, бабушку вашу сослали в Архангельскую губернию. У нее было четверо детей, а осталось только двое: я и ваш дядя Семен. А еще брат и сестра наши умерли от голода и холода. Потом мы вернулись в село. Вернулся и дед ваш Егор. Никогда бабушка ваша слова худого не сказала про власть. Говорила, что испытания людям даются, чтобы они становились светлее и чище. А в тридцать седьмом забрали вашего деда Егора по навету и расстреляли. Он никогда не был врагом своей страны. Он любил свою родину, любил свою землю и честно на ней трудился. Но нашлись такие люди, у которых вся душа в копоти, будто труба у печи. Поэтому и бабушка прожила не так долго, ушла вслед за дедом. Я говорю это вам для того, чтобы вы знали свою историю и почитали своих предков, потому что без прошлого у человека нет значимого будущего. Так, только пустота одна.

— Выходит, деды наши врагами были? — спросил старший сын.

— Нет, никогда они не были врагами. Это жизнь развела их по разные стороны баррикад. Каждый из них жил по совести и умер, не опорочив имени своего.

Игнат помолчал, давая возможность сыновьям осознать сказанное.

— И еще я вам скажу последнее, — продолжил он после паузы свою длинную речь. — На всю жизнь запомнил я бабушкины слова и сейчас передам их вам. Можно смыть грязь с одежды и рук, но нельзя смыть грязь с души. Сохраняйте душу свою в чистоте и тогда будете настоящими людьми!